

Английского писателя Грэма Грина называют «живой классик». Отдельные издания его произведений, публикации повестей и романов Г. Грина в «Иностранной литературе», «Новом мире» разошлись в нашей стране миллионными тиражами.

Словом, творчество Грэма Грина известно советскому читателю хорошо.

Другое дело — биография самого писателя, основа его во многом автобиографической прозы. К сожалению, пока автобиография Г. Грина — «Стиль жизни» (1971 г.) — у нас не переведена.

Грэм ГРИН:

Родился 2 октября 1904 года в городе Берхамстед в семье директора местной школы. После окончания школы поступает в Оксфордский университет. Уже в студенческие годы у Грина проявляются литературные наклонности: в 1925 году, в год окончания университета, он публикует сборник стихов. После Оксфорда Грэм Грин некоторое время работает репортером газеты «Джорнэл» в Ноттингеме, откуда вскоре переходит в лондонскую «Таймс». Работа заместителем редактора отдела оставляла довольно времени для занятий литературой, и вот в 1929 году появляется в печати первый роман тогда еще журналиста Грина «Человек внутри». По признанию «позднего» Г. Грина, роман во многом оказался подражательным, в то время начинающий писатель испытывал большое влияние Джозефа Конрада. Скрытый первый крупный успехом, в том же году Грин уходит из газеты и всецело отдается литературному труду.

Во время второй мировой войны Грэм Грин служит в министерстве иностранных дел Великобритании, а точнее, в секретной службе МИ-6, созданной при этом министерстве. Первоначально (1941—1943 гг.) Грин работал в бюро в Сьерра-Леоне, затем его перевели в Европу, где он стал работать под руководством Кима Филби. Писатель неоднократно с большим уважением отзывался о советском разведчике, встреча с которым вдохновит его на роман «Человеческий фактор» (1978 год).

В 1943 году у Грина выходит роман «Ведомство страха», который как бы завершил предвоенный и военный периоды творчества писателя. Главные произведения были еще впереди...

— Мистер Грин, начиная с предвоенного романа «Власть и слава», «герой» многих ваших послевоенных романов и повестей — Латинская Америка. Чем объясняется привязанность коренного англичанина к этому континенту?

— Впервые я попал в Латинскую Америку в 1938 году. Мне предстояло написать репортаж о религиозных преследованиях в Мексике. Вы знаете, долгие годы на этом континенте господствовала испанская инквизиция, правда, к тому времени она была распухлена, но рецидивы религиозной нетерпимости давали себя знать. Тогда я проехал на ослике через всю страну. Результатом поездки стал мой роман «Власть и слава», который по иронии судьбы вскоре был внесен Ватиканом в «Индекс запрещенных книг». Но, пожалуй, настоящее знакомство с Латинской Америкой состоялось уже после войны, в 50—60-е годы. Это было время больших сдвигов, изменений в странах региона. Мне казалось, что события в Латинской Америке имеют не только региональ-

ное значение. В конце концов моя латиноамериканская тема — продолжение европейской. Вопросы те же, только «фон» другой... Я несколько раз бывал на Кубе — и до и после революции. В первый раз в 1956 году. Накануне революции Куба находилась в бедственном положении, и потому взрыв недовольства там был неизбежен. После революции я познакомился с Фиделем Кастро — человеком большого ума и мужества.

Затем я неоднократно бывал на Гаити. Один раз уже после прихода к власти «папы Дока». Я помню Чили при прави-

мне. Панама тех лет переживала сложный период своей истории — шла борьба за суверенитет над Панамским каналом. Генерал предложил включить меня в делегацию на переговорах с американцами. Я согласился. Так незаметно для меня самого дела этой маленькой страны стали частью моей жизни. А в 1981 году при невыясненных обстоятельствах самолет Торрихоса потерпел катастрофу, генерал погиб...

— Латинская Америка стала частью вашей жизни. Вы не скрываете своих симпатий к национально-освободительным

И сегодня писатель, желая изобразить тиранию, не должен описывать деятельность какого-нибудь генерала Стресснера в Парагвае — это дело публицистики, а не литературы... Извините за длинную цитату, но, согласитесь, вопрос очень важный: У нас иногда можно слышать такое мнение: «Ну что писатели лезут во все дыры — то ратуют за восстановление какой-нибудь церкви, то борются против переброски вод северных рек на юг. Заняться им, что ли, нечем?» Как вы относитесь к проблеме взаимоотношений литературы и публицистики?

— Во-первых, один из героев «Почетного консула» Хорхе Сааведра, который произносит эти слова, — герой комический, и никоим образом не следует приписывать его слова мне, Грину. Я считаю, что писатель должен писать обо всем, что он чувствует и думает. На писателе лежит большая ответственность. Не только перед собой и за свои слова, но и перед обществом. Большой писатель ответствен за все, то есть он воспринимает себя активной, действующей силой. И я не могу понять, почему он не может писать о каких-то «низких» предметах, если они его волнуют.

Во-вторых, литература литературы рознь, так же, как есть публицистика хорошая и плохая.

— Мистер Грин, вас знают во всем мире, вы почетный доктор ряда университетов, кавалер ордена Почетного легиона, командор искусств и литературы и так далее. Как вы относитесь к своей славе?

— Откровенно говоря, мне она мешает. Писателю нужно работать, а не стремиться к тому, чтобы его знали как можно больше людей.

— Какие впечатления вы вынесли из пребывания в нашей стране?

— Теперь у меня появилось много добрых знакомых в СССР... На меня произвели большое впечатление мирные советские инициативы. Советский мораторий на ядерные испытания... Но, на мой взгляд, у Запада и СССР еще очень много неиспользованных возможностей для доброго сотрудничества во всех областях, и в области культуры особенно...

— Мы живем в очень сложном мире. Сохраняется угроза войны, Западную Европу лихорадят волны экстремизма, немало сохраняется сил откровенно фашистского толка. Творится много зла, несправедливости... Мне вспоминается один ваш персонаж — доктор Фишер из Женевы из одноименного романа. Внешне вполне «нормальный» человек, он, по сути дела, фашист, основным развлечением которого стало «невинное» издевательство над людьми, подавление их воли, личности. Фишер — символ зла, торжествующего хамства, духовного рабства, до поры до времени таящегося под личной респектабельности, но при «благоприятных» обстоятельствах вырывающегося наружу и несущего зло, войну...

— Страшно то, что таких Фишеров не так уж мало. Они действительно представляют опасность...

Вел беседу Федор ЛУКЬЯНОВ.

Фото А. Секретарева.

«ПИСАТЬ ТО, ЧТО ДУМАЕШЬ И ЧУВСТВУЕШЬ...»

тельстве Альенде, знаю Парагвай, задающийся при диктаторе Стресснере.

В 1976 году произошло событие, оставшееся незабываемым для меня на всю жизнь. Я получил приглашение от генерала Торрихоса посетить Панаму. Как и почему это произошло, до сих пор остается для меня загадкой. Мы стали друзьями. Именно Торрихос познакомил меня с Габриэлем Гарсия Маркесом, с сандинистами. Идеалом Торрихоса, человека необычайной человечности, с тонким чувством юмора, была социал-демократия в Латинской Америке, опирающаяся на широкие круги населения. Такой идеал близок и

движениям в этом регионе. Считаете ли вы, что эти движения смогут решить задачи, за которые берутся?

— Для меня в этом отношении примером стало движение сандинистов в Никарагуа. У сандинистов широкая платформа. Они сотрудничают с христианами, с либералами. В правительстве Никарагуа несколько министров-католиков. Новая конституция страны, которая сейчас готовится, должна, насколько мне известно, обеспечивать свободу политической деятельности в рамках парламента разным партиям. Так что у этого движения твердая основа, и в этом его сила...

— Если уж зашла речь о Латинской Америке, позвольте задать вопрос, связанный с литературой этого континента. Как вы можете объяснить тот необыкновенный «взрыв» литературных сил Латинской Америки, свидетелем которого мы стали в последние десятилетия?

— Вы знаете, литература тесно связана с жизнью. В истории не раз бывали периоды буйного расцвета литературы — энциклопедисты во Франции, «Бура и натиск» в Германии, «золотой век» русской литературы: Пушкин, Достоевский, Тургенев, Чехов, Толстой... Наконец, литература, вышедшая из двартижения Спротивления во Франции, — Сартр, Камю, Мальро. Обычно всплеск или, как вы говорите, «взрыв» литературы следует за всплеском общественной жизни, ее интенсивным развитием. Именно такое время переживает Латинская Америка и ее литература последние полвека...

— Один из героев вашего романа «Почетный консул» говорил: «...Поэт, а настоящий романист непременно должен быть по-своему поэтом, имеет дело с вечными ценностями. Шекспир избегал политических вопросов своего времени...